4 снежня 1856 г. імператарскі загад надаваў дваранству Мінскай, Віленскай, Гродзенскай і Ковенскай губерняў аднолькавыя з астатнімі губернямі Расійскай імперыі правы адносна ўдзелу ў выбарах[16]. У 1857 г. ураджэнцы губерняў, якія ўваходзілі ў склад Віленскай навучальнай акругі, атрымалі дазвол адчыняць прыватныя навучальныя ўстановы, а ўжо праз год было адноўлена вывучэнне польскай мовы па выбары саміх навучэнцаў[17]. У 1860 г. кадэцкі корпус быў пераведзены з Масквы ў Вільню[18].

Стварэнне ў дваранскім асяроддзі Мінскай губерні праектаў рэфармавання ўрадавай палітыкі ў краі вельмі паказальнае. Іх грунтоўная прапрацоўка і сугучнасць з праектамі дваран іншых губерняў сведчаць аб разуменні іх аўтарамі супольнасці інтарэсаў грамадства ўсіх беларускіх губерняў. Разам з тым наяўнасць спецыфічных пунктаў адлюстроўвае імкненне да асэнсавання і задавальнення рэальных патрэб мясцовага насельніцтва на ўзроўні павета і губерні.

БІБЛІЯГРАФІЧНЫ СПІС

[1] Гл.: Жытко А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг. Мінск, 2003 ; Луговцова С. Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века. Минск, 1997 ; Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі Рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. СПб., 2004 ; Токць С. М. Шляхецкае самакіраванне ў Гродзенскай губерні (пачатак XIX ст. – 60-я гады XIX ст.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1997. № 7. С. 5–22.

[2] Гл.: Свод законов Российской империи : в 15 т. СПб., 1876. Т. 9. Ст. 142 ; Шубин-Поздеев Н. Настольная книга для уездных предводителей дворянства : в 2 ч. СПб., 1902. Ч. 1, т. 1. С. 27–28.

[3] Гл.: Шпопер Д. Политические инициативы польской шляхты в Западных губерниях Российской империи накануне восстания 1863 г. // Отечественная история. 2006. № 3. С. 91.

[4] Гл.: Szpoper D. Pomiędzy caratem a snem o Rzeczypospolitej. Myśl polityczna i działalność koserwatystów polskich w guberniach zachodnich Cezarstwa Rosyjskiego w latach 1855–1862. Gdańsk, 2003. S. 33.

[5] Гл.: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). Ф. 2626. Воп. 1. Спр. 98. Арк. 2–3 ; Fajnhauz D. 1863: Litwa i Białoruś. Warszawa, 1999. S. 12.

[6] Гл.: Szpoper D. Pomiędzy caratem a snem o Rzeczypospolitej. S. 35.

[7] Гл.: НГАБ. Ф. 320. Воп. 1. Спр. 341. Арк. 9, 32.

[8] Там жа. Арк. 9–12.

[9] Там жа. Арк. 38 адв. – 39 адв.

[10] Гл.: Полное собрание законов Российской империи (далей – ПСЗ РИ). Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1836. Т. 10, № 8463.

[11] Гл.: Токць С. М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–50-я гады XIX ст. // Весці АН Беларусі. Сер. грамад. навук. 1996. № 2. С. 68.

[12] Гл.: НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 30145. Арк. 7–8, 10–11, 13–14 адв.

[13] Гл.: НГАБ. Ф. 320. Воп. 1. Спр. 341. Арк. 32а – 36 адв., 39 адв. – 42 адв.

[14] Гл.: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (далей – НГАБ у Гродна). Ф. 1. Воп. 13. Спр. 921. Арк. 1–2.

[15] Гл.: НГАБ у Гродна. Ф. 1. Спр. 976 ; НГАБ. Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 53998.

[16] Гл.: ПСЗ РИ. Собр. 2 : в 55 т. СПб., 1857. Т. 31, № 31215.

[17] Гл. : Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 21–22 ; Западные окраины Российской империи. М., 2007. С. 127–128.

[18] Гл.: Бекцінееў Ш. І., Кірылава Н. М. Брэсцкі кадэцкі корпус // Энцыкл. гісторыі Беларусі : у 6 т. Мінск, 1994. Т. 2. С. 101.

Паступіў у рэдакцыю 15.09.2014.

Яўген Вячаслававіч Уласавец – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу А. Г. Каханоўскі.

УДК 336.22(476-22)«19»:930

С. В. ВАЙТОВИЧ

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ ПЕРИОДА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматриваются вопросы становления налогообложения деревни и социально-экономических последствий налоговых кампаний в 1920-е гг. На основе историко-генетического метода делается вывод, что белорусская историография налогообложения деревни 1920-х гг. следовала в русле общесоветских тенденций изучения данной проблемы. Специализированных исследований в отечественной историографии не проводилось. Первые публикации по проблеме аграрного налогообложения вышли в 1920-х гг. Они носили общий характер, по большей части готовились партийными и советскими руководителями, однако отдельные авторы предлагали собственные методики изучения налоговых материалов. В 1930–40-х гг. издаются материалы по технике обложения, публикуются законодательные материалы центральных и местных финансовых органов по вопросам налогообложения. В 1950–60-х гг. возрождается интерес к изучению индивидуального крестьянского хозяйства 1920-х гг., что требовало привлечения и анализа налоговых материалов. В позднесоветской и постсоветской историографии стали обращать внимание на особенности налога как инструмента государственного регулирования народного хозяйства, его роли в социальных преобразованиях в деревне. Современными исследователями делается вывод о переобложении деревни, в особенности ее средних слоев, что в целом негативно сказывалось на общем состоянии сельского хозяйства.

Ключевые слова: налогообложение; налоговая политика; единый сельскохозяйственный налог; промысловый налог; объекты обложения; налоговая статистика.

The author deals with the formation of the taxation of the village and the socio-economic impact of tax campaigns in the 1920s. On the basis of the historical-genetic method, the author concludes that the Belarusian historiography taxation village 1920s followed in line with the general Soviet tendencies of studying this problem. Specialized studies in the Belarusian historiography was conducted. First publications on agricultural taxation came in the 1920s. They were of a general nature, for the most part prepared by party and Soviet leaders, however, some authors have proposed their own method of study of tax materials. In 1930–40s published materials on the art of

taxation, published legislative materials of central and local financial authorities on tax issues. In 1950–60s revived interest in the study of individual peasant farming, that required the involvement and analysis of tax materials. In the late Soviet and post-Soviet historiography began to pay attention to the features of the tax as an instrument of state regulation of the economy and its role in social change in the village. Modern researchers concluded pereoblozhenii village, especially its middle sections, which generally had a negative impact on the general state of agriculture. In the post-Soviet historiography began to pay attention to the features of the tax as an instrument of state regulation of the economy and social change in the village.

Key words: taxation; tax policy; unified agricultural tax; trade tax; taxable items; tax statistics.

При изучении налогообложения белорусской деревни периода новой экономической политики возникает вопрос оценки этого неоднозначного для крестьянства и крайне важного для государства процесса. Значительно расширяет спектр подходов то обстоятельство, что налогообложение – это сложное экономическое явление, которое в силу своих функциональных особенностей оказывает существенное социальное, стимулирующее, ограничивающее воздействие на структуру народного хозяйства и общество в целом. Налоговая политика находится в сложной системе прямых и обратных связей с политической и социально-экономической обстановкой.

Ввиду широкого спектра вопросов, связанных с проблемой обложения деревни, рассмотрим те моменты, которые касаются процессов становления налогообложения деревни и социально-экономических последствий налоговых кампаний в 1920-е гг.

Отметим, что специализированных отечественных исследований данной проблемы не проводилось. Центральной темой аграрной истории являлась аграрная политика государства на разных этапах развития советского общества, изучению же вопроса налогового обложения деревни периода нэпа уделялось незначительное внимание либо же проблема изучалась как часть государственных мероприятий в деревне, в рамках которых налоги выполняли определенную роль. К фундаментальным исследованиям по аграрной истории новейшего времени можно отнести работы М. П. Костюка, С. Р. Лагуна, В. И. Мартовицкого, А. Н. Сорокина, М. Е. Шкляра, М. А. Беспалой и др.

Первые публикации по проблеме аграрного налогообложения вышли в 1920-х гг. Эти работы в основном были сильно политизированы и носили ярко выраженный пропагандистский характер. Как правило, их авторами являлись партийные деятели, специалисты-практики, поэтому работы зачастую не опирались на основательную источниковую базу, соответственно, в них отсутствовали глубокие выводы и обобщения. Тем не менее такие исследования содержат значительный объем сведений оперативной статистики – материалов, которые использовались для проведения и экономического обоснования аграрной политики, в том числе и налоговой. Можно назвать таких авторов, как А. Певзнер, Ю. Я. Бурак, П. Я. Гуров, Н. Загачин, Н. Кирик, П. Казаков, Р. Левин, П. Федоров, И. Адамайтис, А. Алуф, И. Адамович, И. А. Кисляков. В большинстве своем работы подобного плана относятся к агитационно-информационной литературе и направлены на широкие общественные массы с целью разъяснить политику правительства в области налогов. Их издавали Наркомфин СССР и союзных республик, в том числе и НКФ БССР, губернские и окружные, уездные (районные) финотделы. Это издания из серий «Крестьянская финансовая библиотека», «Крестьянская библиотека» и т. д.

Наиболее массовая серия – «Крестьянская финансовая библиотека», включавшая следующие издания: «Налоги царские и налоги советские», «Налоги городские и налоги деревенские», «Как производится отсрочка, рассрочка и снижение налогов», «Самообложение деревни» и др.

В 1920-х гг. исследования в области конъюнктуры рынка были тесно связаны с вопросами налогообложения. Конъюнктуроведение в БССР развивалось в русле школы Н. Д. Кондратьева в трудах доцента БГУ А. И. Шейнина. Ему принадлежит первый конъюнктурный обзор народного хозяйства БССР за октябрь 1924 г. Конъюнктурные наблюдения охватывали важнейшие сферы экономической жизни в республике и включали такие показатели, как заготовка хлебофуража и сырья, сельхозналог, труд, грузооборот, состояние озимых, общие выводы. Структура обзоров оставалась неизменной до конца 1920-х гг., корректируясь лишь в сторону детализации показателей. Обзоры постоянно публиковались в журнале «Советское строительство».

Затрагивал вопросы налогообложения, в частности рост промыслового налога и снижение поступлений в бюджет, и доцент БГУ С. Л. Певзнер. Его мысли по указанным проблемам, а также о необоснованности показателей спроса местного крестьянства на промышленные товары производственного назначения изложены в аналитическом обзоре контрольных цифр народного хозяйства БССР за 1927–1928 гг. С. Л. Певзнеру принадлежит одно из объяснений причин изменения структуры кустарной промышленности в БССР с кредитно-сбытовой на производственную, что, по его мнению, объяснялось льготами на сырье в промысловом обложении[1].

Отмеченные выше точки зрения доцентов БГУ во многом сформировались в русле экономических идей Н. Д. Кондратьева, который рассматривал крестьянство как основной источник пополнения бюджета государства. Его предложения по реформе единого сельскохозяйственного налога нашли отражение в положениях о налоге и технике обложения. Он – один из немногих теоретиков-практиков, кто рассматривал налоговое бремя как важный инструмент стимулирования передовых тенденций в сельском хозяйстве (интенсификация сельского хозяйства должна была лечь в основу обложения деревни), обращал внимание на недопустимость переобложения крестьян, предпочитая умеренное прогрессивное обложение. Реформа сельхозналога в 1924 г. экономисту виделась в переходе к принципу районности[2].

Н. Д. Кондратьев подчеркивал, что в обложении деревни объем сельхозналога будет определяться потребностями бюджета[3], что лишний раз подчеркивает первичность государственных интересов над частными в обложении.

Многие вопросы аграрного и налогового строительства рассматривались в специализированных изданиях. На страницах журнала «На аграрном фронте» В. Милютин так обосновывал цель проводимой аграрной политики: «…мы освобождаем довольно значительную часть бедняцких хозяйств совсем от налогов, а в отношении остальных крестьянских хозяйств устанавливаем определенную пропорциональность обложения»[4].

На страницах указанного журнала можно найти некоторые данные по БССР, в частности по Езерищенскому району Витебского округа, которые представил А. Алуф. Автор на основании анализа поселенных списков налогоплательщиков двух сельсоветов района дает определенное представление о крестьянском хозяйстве. Рассматривая обеспеченность пашней на едока, автор отмечает, что до 20 % крестьянских хозяйств Руднянского сельсовета страдают крайним малоземельем, при этом единственный источник дополнительных заработков (лесоразработки в данном случае) позволяет таким хозяйствам приобретать, к примеру, 3 коровы и более. Зажиточными автор считает двухлошадные с тремя коровами хозяйства, составляющие всего 1 % в районе[5]. Автор указывает на наличие случаев сопротивления крестьянства и возмущение применяемыми санкциями, случаев злоупотребления властью финагентов, описывавших имущество неплатежеспособных хозяев, что вызывает у крестьян чувство несправедливого отношения к ним власти. Среди недостатков сельхозналога автор называет близкие сроки платежей, преимущественное обложение середняка (1 лошадь или 1 лошадь и 2 коровы), так как не учитываются побочные заработки зажиточного крестьянства и льготы для бедняков, жесткость финорганов.

В 1930–40-х гг. в основном издаются материалы по технике обложения, публикуются законодательные материалы центральных и местных финансовых органов по вопросам налогообложения.

В 1950–60-х гг. в исследовательской среде вновь зарождается интерес к изучению индивидуального крестьянского хозяйства. Появляются работы, выдержанные также в марксистско-ленинской тематике, рассматривающие некоторые аспекты жизни крестьянства с новых позиций. Это исследования А. И. Сидоренко, М. Е. Стрельцова, С. Р. Лагуна, В. И. Мартовицкого, М. Е. Шкляра и др.

В изучение налоговых кампаний в БССР в годы нэпа вклад внес М. Е. Шкляр. Его работа «Борьба компартии Белоруссии за укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в восстановительный период (1921–1925 гг.)» изобилует количественными данными, основана на обширном архивном материале. Автор приводит статистику продналога, единого сельскохозяйственного налога, объемы льгот беднейшему крестьянству, анализирует процессы землеустройства в деревне. «Налоги… являлись могучим рычагом скорейшего восстановления сельского хозяйства, улучшения положения трудящихся крестьян, ограничения и вытеснения кулачества»[6] – так автор формулирует основную идею налогового бремени в деревне. В книге М. Е. Шкляр приводит ряд фактов о платежах деревни и ее производственном потенциале, указывает на рост прокредитованных в рамках сельхозкредита хозяйствах в 1923–1925 гг., что также может свидетельствовать о влиянии налогообложения на крестьянство.

Некоторые сведения, касающиеся структуры сельского хозяйства, налоговых кампаний в деревне, можно почерпнуть в работе С. Р. Лагуна «Укрепление Советов Белоруссии и повышение их роли в строительстве социализма». В частности, приводятся данные о социальной структуре деревни, обеспеченности пашней, скотом, урожайности зерновых в хозяйствах крестьян-единоличников[7]. Приведенные автором сведения характеризуют структуру объектов обложения, так как именно пашня и скот определяли тяжесть обложения крестьянства.

Отдельные сведения о сельском хозяйстве и объектах обложения приводит В. И. Мартовицкий, указывая, что к 1924 г. посевные площади достигли 83,7 %, а в 1925 г. – 88,7 % довоенного уровня[8]. Такая же тенденция отмечалась и по скоту. Автор приводит данные по формированию бюджетов районов как новой административно-финансовой единицы, указывает на процентный состав источников формирования районных бюджетов, в частности, среди прочих источников в райбюджет перечислялось 25 % продналога, 20 % доходов лесных угодий, до 40 % сельхозналога[9]. По состоянию на 1924 г. приводятся данные об обеспеченности крестьян пашней, скотом и инвентарем[10]. Автор не приводит конкретных данных о сумме сельхозналога в 1924–1925 гг., льготах для населения, а лишь констатирует их процентное сокращение. Общее его мнение о налоговых кампаниях соответствует тенденциям, господствовавшим в историографии, – «налоговая политика… соответствовала конкретной обстановке в стране и… задачам, которые решала Коммунистическая партия»[11].

Работа А. И. Сидоренко написана по материалам газетных статей, критиковалась по причине наличия непроверенных данных по сумме продналога для БССР[12].

М. Е. Стрельцов, анализируя данные «Статистического ежегодника» по количеству пашни, скота и инвентаря, приходит к выводу, что крестьянство осереднячивалось и пролетаризировалось, в хозяйствах же с крупной посевной площадью, наоборот, шло накопление основных средств производства (этот тезис особо критиковался А. Н. Сорокиным), середняк превращался в основного налогоплательщика[13]. Анализ отчетов местных советов, в том числе по вопросам налогов в деревне,

показал, что структура крестьянства напоминала аналогичную структуру времен Российской империи. Автором отмечается, что данные несколько занижены по середнякам, что в изданных работах нет единых сведений по этому вопросу.

В исследованиях 1970–80-х гг. не получили достойного развития какие-либо проблемы аграрной политики государства в годы нэпа, а В. Н. Михнюком они трактуются как работы, в которых проблема взаимодействия города и деревни «фактически подменяется вопросами о помощи рабочих крестьянству»[14].

Постсоветская белорусская историография отмечена появлением новых тенденций, не связанных с марксистско-ленинской методологией. Исследуется широкий спектр проблем крестьянства 1920-х гг.: авторы пытаются по-новому взглянуть на взаимоотношения города и деревни, проследить влияние государственной политики на социальную структуру деревни, вводятся в научный оборот новые источники. Впервые в отечественной историографии С. Н. Ходиным обращается внимание на социально-психологические аспекты взаимоотношений крестьянства и государства, пересматриваются проблемы нэпа, коллективизации в 1921–1929 гг.

Свой взгляд на проблему налоговых кампаний 1920-х гг. в деревне предложила М. А. Беспалая. Она приходит к выводу, что кампании по обложению деревни в 1920-х гг. не имели особого успеха; даже несмотря на постоянный рост ставок налогов, правительство с трудом могло собрать запланированные поступления. Исследователь отмечает крайнюю нервозность населения в отношении налогов в первые мирные годы, а также неорганизованность их сбора. Переобложение зажиточного крестьянства вело к его постепенному разорению, беднейшие же хозяйства в силу проводимой налоговой политики не могли выйти на стабильный уровень развития. «Дзяржава выбівала глебу з-пад ног у самой сябе»[15] – таков основной авторский вывод о налоговой политике государства в отношении крестьянства. Тем не менее отмечается, что в источниках и исследованиях нет единого мнения об объемах натуральных и денежных налогов в период с 1920 по 1927/28 бюджетный год. Расхождение в таких данных, принятых автором, с данными других источников за отдельные годы колеблется в пределах 98–150 %; аналогичная тенденция наблюдается в количестве крестьянских дворов, процентном соотношении, характеризующем социальную дифференциацию деревни. Автором отмечается, что не исследована проблема эффективности использования республиканского бюджета, формировавшегося в том числе и за счет налоговых поступлений от деревни. В целом данное исследование соответствует современным тенденциям в историографии, основная идея которых следующая: налоговые кампании в деревне способствовали усреднению крестьянства, государство не разработало сколько-нибудь привлекательных механизмов стимулирования маломощных хозяйств и целенаправленно усредняло зажиточные хозяйства, разрушая потенциально перспективные экономические единицы. Как итог – сокращение налогооблагаемой базы, общей производительности сельского хозяйства, зарождение кризисных явлений.

Свой взгляд на проблему налогообложения деревни высказал А. Н. Сорокин. Налоговую политику 1920-х гг. он называет стержневой, целями которой было создание налоговой системы как важного источника финансирования народного хозяйства и создание действенного инструмента вытеснения частного предпринимательства. Налогообложение тесным образом связывалось с обложением мелкотоварного крестьянского хозяйства как основной производственной единицы народно-хозяйственного комплекса[16]. Автор акцентирует внимание на классовом подходе в налогообложении крестьянства, на проблеме осереднячивания деревни и нивелировании производственной инициативы крестьянства жесткими кампаниями первых годов советской власти. Автором оценена социальная составляющая налогов в период нэпа: переобложение в начале 1920-х гг. скота привело к падению его численности в рамках республики (крестьяне предпочитали убой скота выплате неподъемных платежей), а соответственно, и падению товарности всего сельского хозяйства; наблюдалось дробление хозяйств; приписывание лишних едоков с целью снижения показателя обеспеченности пашней. Высокие налоги (до 24 % от дохода) содействовали сокращению поступления продуктов сельского хозяйства на рынок, вовлечению в дополнительные заработки других членов семьи. Автор указывает, что наряду с созданием налоговой системы в сельском хозяйстве и освобождением от обложения до 30 % крестьянских хозяйств государство не учитывало отрицательную тенденцию к сокращению товарности сельскохозяйственного производства крестьянского хозяйства (20 % – в 1922 г., 23,9 % – в 1923 г., 13,2 % (предварительные данные) – в 1927/28 хозяйственном году)[17]. В целом автор отрицательно оценивает опыт налоговых кампаний 1920-х гг., указывая, что государство превратило налоговую систему из источника изъятия оптимальной части дохода в действенный фактор увеличения числа разрушенных жизнеспособных хозяйств, подталкивало к угасанию темпов роста сельского хозяйства, сворачивало индивидуальное предпринимательство в торговле и промышленности, способствовало росту социальной напряженности.

Таким образом, отечественная историография налогообложения белорусской деревни достаточно мала. Безусловно, представлен не полный список исследований, а лишь те, которые, по нашему мнению, отражают основные направления исследования. Можно выделить несколько этапов. Первый этап – 1920-е гг. – характеризуется активной публикаторской деятельностью финансовых и статистических органов, руководителей и партийных функционеров по аграрной проблематике, в том числе и по вопросам обложения деревни. Большинство работ политизировано, ярко выраженного пропагандистского

характера. В теоретическом плане исследователей интересовали общие вопросы обложения деревни, статистика производственного потенциала аграрного сектора, конъюнктурные исследования. В последующие годы и до начала 1990-х гг. – новый этап – преобладают исследования, основанные на марксистско-ленинской идеологии, в которых налогообложению отводится роль инструмента борьбы государства за экономические свободы деревенской бедноты, классовый подход в отношении зажиточных хозяйств. Здесь особняком стоят 1960–70-е гг., когда расширяется спектр изучаемых проблем, впервые акцентируется внимание на переобложении середняка. Но в общем отечественные исследователи не пытались проследить влияние крестьянских платежей на социальную структуру деревни, целевое использование собранных средств. Монографии, диссертации, статьи формировали абсолютную уверенность в ведущей роли партии и правильности принимаемых ею решений в развитии деревни. Нельзя не отметить, что преимущественное количество таких работ написано на высоком профессиональном уровне, обширной источниковой базе, соответствует методологическим и научным требованиям своего времени. Лишь на современном этапе исследователи стали обращать внимание на особенности налога как инструмента государственного регулирования народного хозяйства, социальных преобразований в деревне. На основе анализа тяжести налогового бремени в современной историографии преобладает отрицательное отношение к опыту налоговых кампаний периода нэпа. Принято считать, что государственная налоговая политика разрушала перспективные крестьянские хозяйства, в основном крупные и средние. При этом делается необоснованный, на наш взгляд, вывод о недопустимости преобладания государственных интересов над частными в вопросах налогообложения деревни, перенапряжении налоговым бременем потенциала деревни при игнорировании многих экономических реалий, к примеру эмиссионного налога в первые мирные годы, который, по подсчетам Н. Д. Кондратьева, «съедал» до 25 % налоговых госдоходов в рамках РСФСР. При таком подходе легко поддаются объяснению такие явления, как дробление хозяйств, утаивание объектов обложения и др. Гораздо сложнее выяснить, каков же был истинный потенциал деревни при постоянном росте ставок, совершенствовании налогового аппарата и методики сбора налогов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Бусько В. Н. Экономические исследования в БГУ в годы НЭПа // Вклад ученых БГУ в развитие экономического образования и экономической мысли Беларуси. Минск, 2002. С. 77–79.

[2] См.: Кондратьев Н. Д. О принципах построения единого сельскохозяйственного налога : докл. на заседании Коллегии Наркомата земледелия РСФСР, 18 февр. 1924 г. // Избр. соч. М., 1993. С. 366–371.

[3] Там же. С. 364.

[4] Милютин В. Наша политика в деревне // На аграрном фронте. 1925. № 5/6. С. 8.

[5] См.: Алуф А. Белорусская деревня // На аграрном фронте. 1925. № 5/6. С. 175–176.

[6] Шкляр М. Е. Борьба компартии Белоруссии за укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в восстановительный период (1921–1925). Минск, 1960. С. 269–270.

[7] См.: Лагун С. Р. Укрепление Советов Белоруссии и повышение их роли в строительстве социализма. Минск, 1970. С. 171.

[8] См.: Мартовицкий В. И. Лозунг партии «Лицом к деревне» и его осуществление в БССР в 1924–1925 гг. Минск, 1961. С. 15.

[9] Там же. С. 44.

[10] Там же. С. 51.

[11] Там же. С. 62.

[12] См.: Зарэцкая Е. Павысіць узровень «Вучоных запісак» Беларускага дзяржаўнага універсітэта // Камуніст Беларусі. 1957. № 3. С. 67.

[13] См.: Стрельцов М. Е. Социальные группы в крестьянстве Белоруссии к концу восстановительного периода (1924–1925 гг.) // Из истории Советской Белоруссии : докл. конф. секций Научного совета по проблеме «Истории БССР». Минск, 1969. С. 109–110.

[14] Михнюк В. Н. Историческая наука Белорусской ССР, 80-е годы. Минск, 1987. С. 74.

[15] Бяспалая М. А. Эканамічнае і сацыякультурнае развіццё беларускай вёскі ў гады нэпа (1921–1927). Мінск, 2009. С. 16.

[16] См.: Сарокін А. М. Рэха эпохі крайнасцяў. Беларуская вёска: ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гг.). Мінск, 2005. С. 33.

[17] Там же. С. 37.

Поступила в редакцию 26.08.2014.

Сергей Владимирович Вайтович – соискатель кафедры источниковедения.

УДК 322(476)

В. Д. КРЮКОВСКИЙ

КОМСОМОЛЬСКИЕ ОРГАНЫ БССР В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ В 1970-е гг.: ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Анализируются отношения государства и церкви в системе работы комсомольских органов в 1970-е гг. Рассматривается формирование научно-материалистического мировоззрения молодежи республики. Указывается на сложность и длительность протекания этого процесса, а также на то, что эффективность деятельности создаваемой системы была низкой. Отмечается, что в середине 1980-х гг. ЦК ЛКСМБ без серьезного анализа возможных последствий упразднил главное руководящее звено структуры – атеистический совет при отделе пропаганды и агитации. Примеру своего руководящего органа последовали обкомы